

К проблеме исследования церковнославянской письменности в Речи Посполитой XVI–XVIII веков. Религиозно-дидактические издания двух подляшских типографий

Lilia Citko

Abstract: *On the Problem of Church Slavonic Writing in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16–18th Centuries: Religious and Didactic Editions from Two Podlasie Printing Houses.* The boundary of Eastern and Western Christianity not only divides Slavs but also fosters the formation of specific space of their contact. For centuries, this space has been represented by Podlasie, which is the borderland of ethnos, languages and confessions. Cultural and spiritual centres of Orthodox Church — Suprasl, that possesses unquestionable significance in the history and culture of Podlasie, and Zabłudov, that is also important in some respects — were formed on this border in the 16th century. Historical monuments of writing that were created in Podlasie prove that Church-Slavonic-Ruthenian tradition has become an inseparable part of the common national heritage of the Polish Lithuanian Commonwealth. The 16th–18th centuries Cyrillic writings published in Zabłudov and Suprasl make it possible to investigate mutual permeation of elements of Slavia Romana and Slavia Orthodoxa cultures. They are also an important source in studies of the Church-Slavonic language and “prosta mova” that was entering religious texts more and more boldly.

Keywords: Polish Lithuanian Commonwealth, Podlasie, Church-Slavonic writing, Cyrillic writings, “prosta mova”

1. Введение

Включение значительной части белорусских и украинских земель в состав Великого княжества Литовского и Короны Польской создало новую культурную ситуацию, в которой церковно-русская традиция постепенно становилась компонентом культуры многонациональной и многоконфессиональной Речи Посполитой. Стоит заметить, что это была вполне сложившаяся традиция, со сформированной художественно-литературной системой, основанной на церковнославянском и древнерусском языках. Не порывая духовной связи с русской и, в целом, с восточно-христианской культурой, православные граждане I Речи Посполитой стремились творчески использовать новую обстановку и возможности, что способствовало интенсивному развитию различных жанров церковнославянской письменности (Naumow 2013, 55–62; Kuczyńska

Lilia Citko, Bialystok University, Poland, l.citko@uwb.edu.pl, 0000-0002-8340-4814

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Lilia Citko, *On the Problem of Church Slavonic Writing in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16–18th Centuries: Religious and Didactic Editions from Two Podlasie Printing Houses*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.18, in Swetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 207-220, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

2017, 196–237), распространению кириллической печати (Błońska i Bulhak 1992, 179–89; Jaroszewicz-Pieresławcew 2003; Немировский 1979), расширению системы образования и обучения (Nosilia 2017, 141–73). В различных сферах культуры и религии большое значение приобрело меценатство. Среди ктиторов и жертвователей были аристократы, мелкое дворянство, духовенство и монастыри (ср. Naumow 1996, 11–43; Mironowicz 2003, 201–35).

Именно такому покровительству обязаны своей деятельностью две упоминаемые ниже подляшские типографии кириллического шрифта. В настоящем исследовании приводится характеристика некоторых их изданий, причем особое внимание уделяется текстам с дидактической установкой, которые в большей степени, чем строго богословская литература, отражают живой язык своего времени. В этой связи, не оставляя в стороне языковых особенностей исследуемых источников, делается попытка определить состояние зафиксированного в них языка.

Менее чем через 80 лет после выхода из краковской типографии Швайпольта Фиоля¹ древнейших церковнославянских книг в 1569 году была издана первая печатная книга на Подляшье — *Евангеліе учительное*, а годом позже вторая — *Псалтырь с Часословцем*. Сын Александра Ходкевича, создателя Супрасльского монастыря, Григорий Ходкевич, великий гетман литовский, основал в 1566 году в своем родовом имении в Заблудове типографию, работавшую на нужды Православной церкви и ее верующих². Как подчеркивают исследователи, идея создания авторитетного издательского центра в семейной резиденции родилась, с одной стороны, из честолюбиво-престижных побуждений образованного, игравшего важную роль в политической жизни Великого княжества Литовского магната, с другой, из религиозно-культурных потребностей (Mironowicz 1990, 251). Замечая растущую угрозу со стороны реформационного движения и конкурируя с покровителями протестантизма — Радзивиллами, Григорий Ходкевич стремился к повышению позиции православной общины в Польско-Литовском государстве.

Говоря об истории подляшского книгопечатания, нельзя не упомянуть о связях Заблудова с Супраслем. Григорий Ходкевич, владелец имения Заблудов, был одновременно покровителем учреждённого его отцом Супрасльского монастыря. Показательно, что обе книги, отпечатанные в Заблудове, *Евангеліе учительное* и *Псалтырь с Часословцем*, после смерти гетмана были пожертвованы Супрасльской лавре его вдовой Екатериной Вишневецкой (Немировский 1979, 87). Более века спустя именно в Супрасльском монастыре,

¹ Из этой типографии вышли четыре богослужебные книги: 2 *Триоды* (Постная и Цветная), недатированные (между 1485–1491 г.), *Часослов* и *Октоих* (датируется 1491 г.). Издание пятой книги, *Псалтыри*, упоминаемое некоторыми исследователями, является сомнительным, поскольку его копии не сохранились (Rusek 1993, 37).

² Это была одна из первых кириллических типографий Речи Посполитой. Ранее издания на кириллице печатались только в Вильно (типография Ф. Скорины 1525 г.), Бресте (типография М. Радзивилла 1533 г.), Несвиже (типография М. Кавчинского 1562 г.) и Тяпине (типография В. Тяпинского ок. 1565 г.) (Mironowicz 1990, 246).

подчиненном уже власти униатских епископов (т.е. принявшем в 1635 году устав базилианского ордена), был основан один из важнейших базилианских издательских центров Речи Посполитой, в котором кириллические печатные издания продолжали составлять важную часть продукции.

2. Издания заблудовской типографии

Осуществление Григорием Ходкевичем идеи основания кириллической типографии стало возможным после приезда в Заблудов Ивана Федорова и Петра Мстиславца — двух выдающихся московских печатников, издателей первой датированной русской книги — *Апостола* 1564 года (Łabunczew i Szczawinska 1995, 28). Работой над заблудовским *Евангелием* Ходкевич начал реализовать планы организованного им, неофициального литературно-издательского совета, в состав которого кроме Ходкевичей (Григория и его сыновей Андрея и Александра) вошли супрасльские монахи — архимандрит Сергей Кимбар, архидиакон Евстафий, представители дворянства и влиятельных литовских родов, в том числе Слуцкие князья Олельковичи, будущий канцлер Евстафий Воллович, писарь великий литовский Михаил Гарабурда, со временем также старец Артемий, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря (Łabunczew i Szczawinska 1995, 23). Одной из главных задач совета стала подготовка к печати *Библии* на церковнославянском языке. Планы совета по разным причинам³ не осуществились, но издательская программа типографии не была заброшена. 8 июня 1568 года Федоров и Мстиславец начали печатать первую книгу — *Евангелие учительное*, а 17 марта 1569 года печать была завершена. В восточной христианской традиции *Евангелие* представляет собой собрание проповедей, евангельских наставлений на определенные дни недели и праздники. Оно существует в двух редакциях. Древнейшая, датируемая концом IX века, связана с именем болгарского епископа Константина, ученика святого Мефодия; вторая, называемая *Константинопольским патриаршим гомилиарием* неизвестного автора, относится к более позднему периоду — XII–XV векам (Łabunczew i Szczawinska 1995, 33; Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 43). Заблудовское издание представляет собой второй вид *Евангелия*, а его прототипом послужил один из ранних славянских переводов книги, экземпляр которой, возможно, находился в библиотеке Супрасльского монастыря⁴. Книга содержит предисловие к читателям Григория Ходкевича, вступительная часть которого, объясняющая пользу от чтения произведения, богатая ссылками на книги Ветхого и Нового Завета, возможно, вышла из-под пера супрасльского архидиакона Евстафия и заблудовского настоятеля Нестора (Łabunczew i Szczawinska 1995, 35). Помимо предисловия, *Евангелие* включа-

³ О них ср. Немировский (1979, 84–7).

⁴ Рукопись, предположительно лежащая в основе заблудовского издания *Евангелия*, некогда принадлежавшая монастырю, в настоящее время хранится в Центральной библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе (ф. F.19-69), куда она была вывезена из Супрасля вместе с другими памятниками в 1877 году (Łabunczew i Szczawinska 1995, 34).

ло вступительное слово печатников к читателям и 77 евангельских поучений на воскресные дни и праздники в течение года. Впервые в печатном виде в книгу вошло также одно из самых выдающихся произведений древнерусской литературы XII века — *Слово на Вознесение Господне* Кирилла Туровского (Немировский 1979, 116).

Второе заблудовское издание — *Псалтырь с Часословцем* — было напечатано самим Иваном Федоровым⁵. Работу над книгой он начал 26 сентября 1569 года, а завершил 23 марта 1570 года. Обе части книги в значительной степени заполнены гимнографическими произведениями. На фоне более ранних изданий заблудовская *Псалтырь* выделяется, по мнению исследователей, наличием своеобразных, несвойственных восточнославянской традиции аннотаций перед псалмами, что указывает на возможность использования польских и чешских источников (Немировский 1979, 134). Вторая часть сборника *Часословец* представляет собой сокращенный вариант рукописных редакций, в том числе и хранящихся в Супрасле. Помимо гимнографических текстов в составе книги находятся таблицы, содержащие обширные астрономические и хронологические вычисления, касающиеся пасхального, солнечного и лунного циклов (Łabunsew i Szczawinska 1995, 39). Заблудовское издание *Псалтыри* открывает предисловие Ивана Федорова, содержащее обычную формулу извинения перед читателем за ошибки, затем следует предисловие Григория Ходкевича, в котором сообщается о распространении книгопечатания в Великом княжестве Литовском, этапах редакционно-текстологической работы и намерениях гетмана издавать книги на «простом языке». Третья, анонимная часть предисловия, знакомящая читателя с содержанием книги, выдержана в духе традиционных древнерусских введений с цитатами из классиков христианской литературы — Василия Великого и Иоанна Златоуста. Завершает предисловие глоссарий, содержащий объяснение непонятных слов псалтыри. По мнению исследователей, стиль, манера и лексика этой части предисловия свидетельствуют о таланте местных подляшских литераторов — Евстафия и Нестора⁶ (Łabunsew i Szczawinska 1995, 41; Mironowicz 2022).

Несмотря на кратковременность деятельности заблудовской типографии две напечатанные здесь книги оказали значительное влияние на издательскую практику на землях Великого княжества Литовского. Своеобразные графические и орнаментальные архетипы, созданные Федоровым и Мстиславцем, стали образцом для других типографий, таких, как виленская типо-

⁵ Петр Мстиславец, покинув Заблудов, переехал в Вильно (1569), где вместе с Кузьмой Мамоничем основал типографию. Первым их изданием, опубликованным 30 марта 1575 года, было *Евангелие* (Jaroszewicz-Piereslawcew 2003, 59). Почти полувековое существование издательства стало символом возрождения кириллического книгопечатания в Вильно после того, как в 1525 года прекратил свою деятельность Франциск Скорина.

⁶ Жизни и деятельности Нестора Кузьмича, протопопа заблудовского, одного из инициаторов создания типографии в Заблудове, реформатора церковной жизни и защитника Православной церкви в Речи Посполитой, посвящена книга А. Мироновича (Mironowicz 2022).

графия Василия Гарабурды при издании *Евангелия учительного* около 1580 года, типография братьев Мамоничей при издании *Псалтыри* 1586 года, а также для львовских изданий *Псалтыри* 1637 и 1655 годов (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 82).

Ученик заблудовских книгопечатников, Грынь Иванович⁷, выдающийся гравер-художник, прославился как создатель кириллических курсивных шрифтов, использованных домом Мамоничей для печати *Литовского статута* 1588 года (Mironowicz 2016, 53). Графика заблудовских изданий сохранялась в типографском искусстве до XVIII века, закрепившись не только в кириллических, но и в латинских печатных текстах. Издания Федорова и Мстиславца являются образцом взаимопроникновения двух видов декоративного искусства — восточного и западного. Такие элементы, как заставки, концовки и инициалы, относятся к московским изданиям, а введенная печатниками гравюра на дереве на обороте титульного листа *Евангелия* с изображением герба Григория Ходкевича — яркое проявление связи с западным стилем орнаментации (Błońska i Bulhak 1993, 188).

3. Издания типографии супрасльского монастыря

Более чем столетняя деятельность супрасльской типографии привела к публикации 456 книг (Cubrzyńska-Leonarczyk 1993, 182). Печатные издания на польском языке насчитывали 304 наименования, на кириллице — 105⁸, на латыни — 46, на литовском языке — 1. Созданием типографии Супрасльский монастырь обязан усилиям киевского митрополита Киприана Жоховского. После его смерти (1693 г.) типографское оборудование из мастерской виленского Свято-Троицкого монастыря было перевезено в Супрасль. В 1695 году здесь завершилось печатание 22 страниц *Службника*, которые дополнительно были включены в издание, появившееся в 1692 году в Вильно. По замыслу издателей, дополнение службника текстами вечерни, полунощницы, утрени, ектений, евангельских чтений и некоторых молитв было формой его совершенствования (Naumow 1997, 82). В 1696 году вышла в свет первая книга *Житіє преподобного отца нашего великаго Онуфрія царевича перскаго* — агиографическая повесть о жизни святого Онуфрия, полностью отпечатанная в Супрасле (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 126).

Публикации супрасльской типографии были рассчитаны на две категории читателей. До 1770-х годов книги печатались исключительно для униатской общины. Среди них преобладала литургическая литература, но появлялись и издания дидактического характера. В 1772 году, как пишет З. Ярошевич-Пе-

⁷ С деятельностью талантливого, но малоизвестного подляшского печатника и гравера Грыня Ивановича, знакомит работа А. Мироновича (Mironowicz 2016).

⁸ З. Ярошевич-Переславцев корректирует это число до 85 позиций, объясняя, что издательский адрес супрасльской книгопечатни использовался в 1793–1797 годах типографией Ф. Карташова в Клинцах (Черниговская губерния) для печатания 22 изданий (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 129).

реславцев, вероятно, по финансовым причинам началось печатание книг для приверженцев нереформированной Православной церкви (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 128). В группе изданий, предназначенных для старообрядческой общины, преобладали богослужебные книги и молитвенники, перепечатанные с изданий, вышедших в Церкви до Раскола (Iwaniec 1988, 33–43).

Помимо своей основной издательской продукции — богослужебной литературы — супрасльская типография занималась изданием учебных материалов, в том числе учебников и словарей для изучения церковнославянского языка. Рост производства этого вида литературы последовал за важным событием в истории Униатской церкви — Замойским синодом (1720 г.), на котором были приняты многочисленные положения о латинизации восточной литургии и обрядов. Главный инициатор синода — тогдашний митрополит и архимандрит Супрасльского монастыря Лев Кишка — стал инспиратором многочисленных публикаций, направленных на повышение уровня церковнославянского языка среди униатского духовенства (Корзо 2020, 54).

Дидактические издания, выпущенные супрасльской типографией, можно разделить на нормативно-лексикографическую литературу и богослужебные книги, которые помимо своего основного церковно-утилитарного назначения выполняли также познавательные-воспитательные функции. Особенно часто в дидактических целях использовались псалтыри, «малые» часословы и учительные евангелия. Некоторые издания псалтырей содержали специальное введение, обращенное к учителям, например, изданная в Супрасле в 1780 году *Псалтырь* начиналась словами: *Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте и како детям учиться*. Авторы предисловий к часословам обращались к молодежи с призывом к христианскому поведению в жизни и уважению к традициям предков. По данным З. Ярошевич-Переславцев книги этого типа издавались в Супрасле многократно: *Евангелие учительное* (1790 г.), *Часослов / Часовник* (6 раз в 1772–91 гг.), *Псалтырь* (6 раз в 1780–91 годах и позже) (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 138–40).

Появлялись также многочисленные издания применявшихся в обучении грамоте букварей⁹, предназначенных как для православных, так и для униатов и старообрядцев. Первый известный униатский *Букварь языка славянского* был опубликован в Супрасле в 1715 году, шесть последующих изданий вышло в 1727–95 годах. Здесь же были изданы две старообрядческие церковнославянские *Азбуки* (1781 г., 1788 г.), являвшиеся перепечатками изданий из Москвы и Клинцов (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 186).

Супрасльские издания, как униатские, так и старообрядческие, находили читателей в различных социальных сословиях. Провенансы, сохранившиеся во многих книгах, документирующие историю их владения, показывают, что значительную группу пользователей составляли крестьяне и купцы, а также

⁹ Изучению дидактической литературы, в том числе букварей, азбуковников, в петровской России посвящаются многие работы Марии Кристины Брагоне (ср. например Брагоне 2022, 116–31; 2014, 25–43).

монахи, чиновники, мещане и военные¹⁰. Многие публикации, изданные большими тиражами (иногда в несколько тысяч экземпляров), предназначенные для старообрядцев, попадали в самые отдаленные места, где находили убежище их гонимые читатели, например в Беларусь, Украину, Молдавию, на север и юг бывшей Руси, в Казахстан (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 136).

В 1722 году в супрасльской типографии было издано *Собрание припадковъ краткое, и Духовнымъ особомъ потребное*¹¹, традиционно именуемое катехизисом Замойского собора. Книга состоит из нескольких частей: предисловия к читателям киевского митрополита Льва Кишки на церковнославянском языке, катехизиса в виде вопросов и ответов на «простой мове» и церковнославяно–польского словаря, содержащего, в основном, сакральную лексику. Публикация представляет собой жанр текста, известный как нравственное богословие, который был популярен в XVIII веке в базилианской среде. Генезис богословия связан с решениями Замойского синода, предписывавшего реформу церковно-религиозной жизни Греко-католической церкви и повышение уровня религиозного сознания верующих (Корзо 2020, 54). Сочинение, авторство которого приписывается самому Льву Кишке¹², выдержало на протяжении XVIII века много переизданий. Буквальное воспроизведение *Собрания припадков* появилось в Уневе в 1732 году, а с несколько измененным названием и содержанием — в той же типографии в 1745 году. Перепечатывалось также под названием *Богословия нравоучительная* в типографиях почаевского монастыря (1751, 1756, 1787 гг.) и львовского Успенского братства (1752, 1756, 1760 гг.) (Корзо 2020, 64). Богословия, как правило, были адресованы униатским священникам или тем, кто готовился к священническому сану, и служили своего рода толкованием как догматических вопросов, так и этического воспитания верующих.

Крупнейшим издательским достижением супрасльской книгопечатни в области лексикографии церковнославянского языка является славяно-польский словарь *Лѣзиконъ сирѣчь Словесникъ славенскіи имѣющъ в себѣ словеса первѣе славенскіа азбучныа, посемже полскіа благопотребныи къ выразумѣнію словесъ славенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ*. Из печати он вышел 18 января 1722 года и содержал около четырех тысяч словарных статей, записанных кириллицей, и около пяти тысяч польских пояснений, напечатанных латиницей. Из предисловия к читателям следует, что словарь предназначался как учебное пособие для кандидатов в священнослужители униатской церкви

¹⁰ Например, *Лексикон* 1722 года до того, как попал в фонды Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, был собственностью некоего прапорщика Луки Авдоткина (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 137).

¹¹ Как замечает З. Ярошевич-Переславцев, *Собрание припадков* обычно переплеталось с изданным в то же время супрасльским *Лексиконом*. Так дело обстоит и с экземпляром, хранящимся в библиотеке Варшавского университета, и с одним из двух экземпляров, хранящихся в Национальной библиотеке Польши (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003, 191).

¹² Источники памятника анализируются в статье М. А. Корзо (2020, 53–67).

с недостаточным знанием церковнославянского языка¹³. О популярности словаря как лексикографического источника свидетельствуют три последующих переиздания, которые появились в 1751, 1756 и 1804 годах в базилианской типографии в Почаеве¹⁴. На его значение указывает и тот факт, что более века спустя *Лексикон* стал основой для *Приручного словаря славено-польского*¹⁵ (Łabyncew i Szczawinska 1995, 29). Поэтому свою роль супрасльский словарь, несомненно, выполнил, а многочисленные примечания на польском, белорусском, украинском, русском и латинском языках, сохранившиеся на нескольких десятках уцелевших экземпляров¹⁶ свидетельствуют о национальном разнообразии его читательской аудитории.

4. Дидактические издания как источник для языковедческих исследований

Кириллические издания типографий в Заблудове и Супрасле, являются ценными источниками по истории западнорусских языков, фиксирующими многие графические, фонетические, морфологические и лексические особенности, не засвидетельствованные в других памятниках XVI–XVIII веков. Особого внимания заслуживают тексты, документирующие состояние «простой мовы»¹⁷, которая в неравной степени отражена в источниках исследуемого периода.

¹³ Ср. фрагмент предисловия: «яко сотный Іерей, едва Славенскій разумѣть языкъ, невѣдай что четь, въ Божественной Службѣ, съ погибелією своеа, и порученныхъ Паствѣ его душъ».

¹⁴ Почаевские издания 1751 и 1756 годов, содержащие несколько измененный перечень слов, появились в составе *Богословии нравоучительной* (Лабынцев и Щавинская 1995, 29).

¹⁵ Полное название источника: *Приручный словарь славено-польский, или Собрание речений славенскихъ неудобъ разумѣльныхъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ / Słownik Słowiańsko-polski: Zawierający w sobie mniej teraz zrozumiałe, w księgach cerkiewnych i do nabożeństwa służących znajdujące się słowa, dla użytku Duchowieństwa, wyznawców obrządku greckokatolickiego, miłośników starożytnego języka słowiańskiego*, Львигород / Lwów 1830. Его составителем и автором предисловия был греко-католический священник, писатель Иосиф Васильевич Левицкий.

¹⁶ З. Ярошевич-Переславцев пишет о 30 сохранившихся экземплярах словаря (Jaroszewicz-Pieresławcew 2003: 191), Ю. Лабынцев и Л. Щавинская упоминают о 40 экземплярах, 6 из которых находятся в фондах польских библиотек: Национальной библиотеки в Варшаве (2 экземпляра), Ягеллонской библиотеки в Кракове, Университетской библиотеки в Варшаве, Библиотеки Польской академии наук в Курнике и других (Лабынцев и Щавинская 1995, 31). Один экземпляр словаря хранится также в Подляшском музее в Белостоке, инв. № 8556 (Citko 2012, 36).

¹⁷ Для названия западного варианта древнерусского языка, функционировавшего в Великом княжестве Литовском, кроме определения «проста мова» употреблялись термины «рус(ь)ка мова», «русский язык», «проста руска мова» и др. Насыщенный чертами местных диалектов (белорусских, украинских), главным образом, в фонетике и лексике, и подвергавшийся все большему польскому влиянию (особенно с XVI века), этот язык развивался в оппозиции к церковнославянскому, имевшему статус священного языка, но ограниченную социальную функцию. «Проста мова», выполнявшая, в основном, прагматические функции, постепенно расширяла сферу своего употребления, охватывая различ-

В заблудовских печатных изданиях, широко применявшихся в обучении грамоте, некоторые особенности живой речи можно проследить на основе предисловий. Например, *Предисловіе книги селя Григорія Ходкевича к Евангелію учительному* написано на церковнославянском языке с примесью «простой молвы»¹⁸. Элементы живого языка отражены, главным образом, на лексическом уровне, ср. *помылка, варьста[т] друкарскіи, варстаты друкарскіа, выдруковати, властным накладом, накладу наложити, нежалуючи, за щастливаго панованія, проста молва*. Белорусские черты фиксируются также в области фонетики, ср. графические записи, указывающие на депалатализацию шипящих и свистящих согласных (*пословиць, члвцы, елицы, мятешь*), диссимиляцию *g > k* (ср. *оумакчтите*). В общем, содержание и стиль предисловия свидетельствуют о том, что Ходкевич был не лишенным литературных способностей знатоком славянского языка и письменности.

Несомненную языковую ценность представляют также издания монастырской типографии в Супрасле. Печатные тексты XVIII века имеют особое значение для изучения истории западнорусских языков. В белорусской лингвистике второй половины XX века преобладали взгляды, имеющие характер аксиомы, согласно которой XVII–XVIII века считались периодом упадка старобелорусского языка, а его функционирование в это время ограничивалось устно-разговорной сферой. Лишь в середине XIX века на диалектно-народной основе якобы произошло возрождение литературного языка, который стал использоваться интеллектуальными кругами, объединившимися в начале XX века вокруг *Нашей нивы* (1905–16), как язык художественной литературы (Жураўскі 1967; Жураўскі и Крамко 1972, 132–47).

Следует подчеркнуть, что взглядам об отсутствии преемственности белорусской языковой традиции из-за культурного регресса XVII–XVIII веков, противостоят мнения большой группы современных исследователей (А. Баханькова, Г. Ціванавай, С. Струкавай)¹⁹, считающих, что эта преемственность несмотря на определенный застой, вызванный различными факторами (многолетние войны, уменьшение численности населения белорусских земель Великого княжества Литовского), никогда не была прервана. Верификация прежних взглядов и выдвижение новых гипотез о непрерывности развития

ные виды письменности: юридические и административные документы, художественную, летописную, эпистолярную прозу, со временем и религиозную литературу, в том числе переводы Священного Писания, гомиетику, агиографию, полемические произведения. На эту тему существует богатая литература (ср. например, Мозер 2002, 221–60; Наумов 2002, 38; Мякишев 2008, 26–32; Temčinas 2017, 81–120).

¹⁸ Так определяет язык сам автор предисловия: «Помыслил же быль [...], иже бы сію книгу выразумѣніа ради простых людей преложити на простую молву, и имѣль есми о том попеченіе великое. и совещаша ми люди мдрые в том писмѣ ученые, иже прекладаніемъ з давныхъ пословиць на новые помылка чинитса немалала. ѣакоже иннѣ обрѣтаетса в книгахъ новаго переводу».

¹⁹ Обзор мнений белорусских, украинских и российских лингвистов по этому вопросу представлен в монографии И. Гапоненко (Гапоненка 2012, 43–48).

белорусского языка стали возможными, в частности, благодаря изучению религиозных текстов XVIII века²⁰.

В этом отношении, важным источником для анализа состояния белорусского языка исследуемого периода можно считать *Собрание припадков краткое, и Духовнымъ особомъ потребное* (1722 г.). Особенно ценный материал содержит занимающая 272 страницы катехизисная часть, которая отражает специфику всех языковых уровней²¹. Словарный запас памятника, документирующий общественную, культурную и религиозную жизнь белоруссов, сочетает лексику разного происхождения. Наряду с исконно восточнославянскими словами употребляются полонизмы (*млеко, оброна, цнота, рачити, вонтпливий, лацне*), церковнославянизмы (*агнець, дщерь, древо, злато, отрокъ*), а также заимствования из греческого и латинского языков (*афеистъ, гермафродитъ, неофитъ, оффициаль*).

Характерные черты белорусского языка в области фонетики фиксируют записи, отражающие: рефлексацию *ть* в виде [e]²²: *речи, телесный, в потребе, чрево* (параллельно сохраняется также *ть*: *вѣры, рѣчи, обѣтница, хлѣба, мѣсто, грѣху*); отвердение [p]: *присланный, вѣрвити, которыи* и [ц]: *працы, интенцыя*; случаи отвердения [ш'], [ж'], [ч']: *ажъ, вѣрьшиъ, нашиъ, рѣчь*; наличие аффрикат на месте этимологических [д'] и [т']: *зацмятса, цѣотку* (поскольку такие записи немногочисленны, они могут рассматриваться также как орфографические заимствования из польского языка); переход [e] в [o]: *малжонку, злучоныи, пришовъ*; наличие своеобразно обозначенной аффрикаты [дж]: *дрождзистое, зеждзати*; устранение хиатуса путем введения [в]: *навукъ*; наличие неслогового [ў], последовательно отражаемого в виде *-въ* в глагольных формах прошедшего времени, ср. *бывъ, кинувъ, сказавъ*.

Наименьшее количество белорусских инноваций в языке памятника можно наблюдать на уровне морфологии. Текст *Собрания припадков* хорошо сохранил особенности церковнославянского языка в пределах всех частей речи. Значительной вариативностью характеризуется лишь категория причастий, документирующая параллельное употребление церковно- и восточнославянских форм, ср. *раняции, тримаюции, гладяции // радляци, помагаюци, друкуюци* и др. Формы деепричастий последовательно используются с суффиксами, свойственными белорусскому языку: *-чи* в настоящем времени, ср. *дакуючи, мовачи, чинечи, працуючи*, и *-вши* в прошедшем, ср. *взавши, покинувши, пришовши*.

²⁰ Такого мнения придерживается также польская исследовательница униатских изданий И. Гетка (Getka 2018, 177–90).

²¹ Более подробному анализу языковых особенностей памятника посвящена статья А. Журавского (Жураўскі 2006, 391–402).

²² В анализируемом тексте не документируется изменение *ть* в [и], характерное для украинского языка и некоторых смежных южнобелорусских диалектов (Векслер 2004, 161). Одновременно надо отметить случаи употребления графемы *ѣ* на месте этимологического [и], ср. *мовѣти, носѣти, ходѣти, вѣна*, что А. Журавский считает своеобразной орфографической чертой памятника, хотя не исключает также специфики рефлексации *ть* в поддяшских говорах (Жураўскі 2006, 394).

Определенную языковую ценность представляет также лексикографическое издание типографии монастыря — *Леґиконь сиртьчь Словесникъ славенскій*. Супрасльский *Лексикон*, разработанный на основе труда Беринды *Лексиконъ славенорвисскій и именъ толькованіе* стал первым церковнославяно-польским переводным словарем. Его функционально-утилитарный характер (лексикон был предназначен для униатских кандидатов в священнослужители) обусловил значительные модификации в микро- и макроструктуре по сравнению с протографом²³. Целью лексикографического замысла супрасльских базилиан было создание настольного пособия, поясняющего при помощи польских эквивалентов непонятные слова, содержащиеся в богослужебных книгах. Перечень заглавных слов включает, в основном, церковнославянскую лексику, отражающую фонетические и морфологические особенности, характерные для этого языка²⁴, а семантически образующую обширную и категориально разнообразную группу сакральных терминов (*ипостась, таинство, просфомидіа, просфора, параклисъ, кивоть, ладань, епендитъ, инокъ* и др.). Кроме того словарь фиксирует абстрактную лексику (*распра, ропоть, скверна, страсть, дерзновение*) и лексику, связанную с повседневной жизнью (в том числе наименования профессий: *ковачь, звожчикъ, вознакъ*, названия животных (иногда экзотических): *пилюкъ, пификъ, рабка, удодь*, стилистически маркированную, разговорную лексику, ср. *трибухъ* ‘желудок’. Свое отражение в регистре заглавных слов нашла также лексика, заимствованная из польского языка, которая во время создания источника, т. е. в XVIII веке, была неотъемлемой частью словарного запаса западнорусских языков, ср. *катехумень, пекло, сакраментъ, велможа*. Следует заметить, что лексикограф, включая в словарный перечень полонизмы, пытался иногда адаптировать их путем формальных модификаций к русским образцам, например пол. *twierdza* ‘крепость, башня’ записывается как *твержа* (замена *dz* на *ж* согласно русской рефлексации **dj*). В основном, однако, польский использовался как метаязык в толковой части словаря. Выступая в этой функции, закрепил он много фонетических и лексических регионализмов, образованных под влиянием украинского и белорусского языков, ср. *brozna* — пол. *bruzda*, бел. *баразна*, укр. *борозна* ‘борозда’; *otruta* — пол. *trucizna*, бел. *атрута*, укр. *отрута* ‘яд, отравы’ и др.²⁵.

5. Заключение

Кириллические издания двух подляшских типографий, несомненно, занимают важное место в достижениях западнорусского книгопечатания. Соз-

²³ Структура словаря характеризуется во вступительной статье факсимильного издания супрасльского *Лексикона* (Citko 2012, 29–35).

²⁴ Фонетические и морфологические особенности рассматриваются во введении к факсимильному изданию супрасльского *Лексикона* (Citko 2012, 17–27).

²⁵ Польскую лексику пояснительной части словаря исследовали В. Витковский (Witkowski 1992, 209–13) и А. Цитко (Citko 2020, 595–605).

данные в Заблудове московскими печатниками типографско-декоративные художественные образцы, сочетающие восточнославянские и западноевропейские элементы, сохранились в изданиях многочисленных типографий Великого княжества Литовского вплоть до XVIII века. Другим, не менее важным, аспектом функционирования типографии было влияние, которое она оказала на религиозное и национальное самосознание православной общности Польско-Литовского государства, выражая стремление светских меценатов защитить православие от экспансии реформатских конфессий и усиливающего свои позиции католицизма. Печатные издания, служащие распространению литургических текстов среди православных верующих, стали одним из элементов реформирования Церкви, ослабленной как изнутри (секуляризация духовенства), так и снаружи (реформаторские движения).

Тематически разнообразные кириллические издания базилианской типографии в Супрасле — от богослужебных книг по дидактическую литературу — нашли многочисленных адресатов в униатских, старообрядческих и православных общинах как в Речи Посполитой, так и за ее пределами (в Московском государстве). Отражая взаимопроникновение традиций *Slavia Romana* и *Slavia Orthodoxa* как следствия Брестской унии (1596), супрасльские издания стали проявлением открытости культуры, созданной различными национальными и конфессиональными группами Польско-Литовского государства. Важным элементом этой культуры был язык, в своей основе церковнославянский, но все чаще документирующий черты живого белорусского наречия, зафиксированные в предисловиях заблудовских вероучительных пособий и в религиозно-дидактических текстах супрасльских изданий.

Источники

- Предисловіе книги сел. Евангеліе оучительное. Заблудов 1569. В Łabyncew, Jurij, i Szczawinska, Łarisa. 1995. *W mieście zwanym Zabłudowem*. Białystok: Orthdruk.
- Собраніе припадковъ краткое, и Дѣховнымъ особомъ потребное. Имѹщее в себѣ Науки о Сакраментахъ, о десяти Божіихъ Приказаняхъ, о Приказаняхъ Церковныхъ, и о Науцѣ Христіанской, съ выкладомъ Символа, или Исповѣданія Вѣры Православныа Кафолическіа, съ выкладомъ Матвы: Оче нашъ и Бѣде Дѣво. Такожде Науки, како подобаеть наставляти малыхъ или невѣжовъ в Вѣры Православной содержащее. Супрасль 1722.
- Леѣзиконъ сирѣчь Словесникъ славенскіи имѹющъ в себѣ словеса первѣе славенскіа азбучныа, посемже полскіа благопотребный къ выразумѣнню словесъ славенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ. Супрасль 1722.

Литература

- Брагоне, Мария Кристина. 2014. “Один церковнославянско-греческий рукописный азбучник из коллекций РГАДА (К изучению лексикографии во второй половине XVII века).” In *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15-21 agosto 2003)*, a cura di Alberto Alberti, Marcello Garzaniti, e Stefano Garzonio, 25–43. Firenze: University Press.

- Брагоне, Мария Кристина. 2022. “Бестиарий в «Букваре» Карнона Истомина и воспитание царевича Алексея.” *Quaestio Rossica* 10, 1: 116–31. DOI: 10.15826/qr.2022.1.662.
- Векслер, Пол. 2004. *Гістарычная фаналогія беларускай мовы: пераклад з англійскай*. Мінск: І.П. Логвінаў / Wexler, Paul. 1977. *A Historical Phonology of the Belorussian Language*. Heidelberg: Carl Winter.
- Гапоненка, Ірына А. 2012. *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX — пачатку XX ст. Асаблівасці станаўлення і развіцця*. Мінск: БДУ.
- Жураўскі, Аркадзь. 1967. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка.
- Жураўскі, Аркадзь і Іван Крамко. 1972. “Важнейшыя адрозненні паміж новай і старой беларускай літаратурнай мовай.” В *Беларускае і славянскае мовазнаўства: да 75-годдзя акадэміка Кандрата Кандратавіча Крапівы*, рэд. Міхаіл Суднік, 132–47. Мінск: Навука і тэхніка.
- Жураўскі, Аркадзь. 2006. “Апошняя старабеларуская друкаваная кніга.” W *Gwary i opomastyka pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego*, red. Lilia Citko, Bazyl Siegień, 391–402. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Корзо, Маргарита А. 2020. “Некоторые замечания об источниках униатского богословия рубежа XVII и XVIII вв.: к 300-летию замойского собора 1720 г.” *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви* 97: 53–67. DOI: 10.15382/sturII202097.53-67.
- Лабынцев Юрий А. и Лариса Л. Щавинская, сост. 1995. *История книжной культуры Подляшья. Супрасльський церковнославяно-польський словарь 1722 г*. Минск: Российская Академия Наук, Институт славяноведения и балканистики РАН, Центр белорусоведческих исследований.
- Мозер, Михаель. 2002. “Что такое простая мова?” *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 47, 3–4: 221–60.
- Немировский, Евгений А. 1979. *Иван Федоров в Белоруссии*. Москва: Книга.
- Bońska, Maria i Henryk Bulhak. 1993. “Na tropach książek cyrylickich wydawanych w państwie polskolitewskim w XV–XVIII wieku. Próba charakterystyki.” W *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. Wiesław Witkowski, Jerzy Rusek, Aleksander Naumow, 179–89. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Citko, Lilia, red. 2012. *Лежыконь сирьччч Словесникъ славенскіи імѣющъ в себѣ словеса первѣ славенскіа азбучныа, посежме полскіа. Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku. DOI: 10.24425/slo.2020.134738.
- Citko, Lilia. 2020. “Słownictwo regionalne polskojęzycznej części *Leksykonu supraskiego* (1722) na tle słowiańskim.” *Slavia Orientalis* LXIX (3): 595–605.
- Cubrzyńska-Leonarczyk, Maria. 1993. *Oficyna supraska 1695–1803. Dzieje i publikacje unickiej drukarni ojców bazylianów*. Warszawa: Biblioteka Narodowa.
- Getka, Joanna. 2018. “Белорусский язык XVIII в. — исследовательские постулаты.” *Studia Białorutenistyczne* 12: 177–90. DOI:10.17951/sb.2018.12.177-190
- Iwaniec, Eugeniusz. 1988. “Język i piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie w kulturze staroobrzędowców na ziemiach polskich.” *Roczniki Humanistyczne* 36 (7): 33–43.
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Zoja. 2003. *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.

- Kuczyńska, Marzanna. 2017. "Homiletyka cerkiewna Pierwszej Rzeczypospolitej na pograniczu kultur (do połowy XVII wieku)." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 196–237. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Łabyncew, Jurij i Łarisa Szczawinska. 1995. *W mieście zwanym Zabłudowem*. Białystok: Orthdruk.
- Mironowicz, Antoni. 1990. "Powstanie zabłudowskiej oficyny wydawniczej na tle sytuacji wyznaniowej w Wielkim Księstwie Litewskim." *Acta Baltico-Slavica* XIX: 245–64.
- Mironowicz, Antoni. 2003. "Kultura prawosławna w dawnej Rzeczypospolitej." *Elpis* 5, 7–8: 201–35.
- Mironowicz, Antoni. 2016. *Hryń Iwanowicz, nieznanany malarz, grawer i drukarz*. Białystok: Libra s.c. Wydawnictwo i Drukarnia PPHW.
- Mironowicz, Antoni. 2022. *Protopop zabłudowski Nestor Kuźmicz*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Naumow, Aleksander. 1996. *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich*. Kraków: Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. Tom 1.
- Naumow, Aleksander. 1997. "Przedmowy metropolity Cypriana Żochowskiego w wileńskim służebniku z 1692 roku." *Acta Polono-Ruthenica* 2: 81–90.
- Naumow, Aleksander. 2002. *Domus divisa. Studia nad literaturą ruską w I. Rzeczypospolitej*. Kraków: Collegium Columbinum.
- Naumow, Aleksander. 2013. "Piśmiennictwo cerkiewnosłowiańskie jako składnik kulturowego uniwersum I Rzeczypospolitej." W *Colloquia Orientalia Bialostocensia*. Tom 3: *Pogranicza, Kresy, Wschód a idee Europy*, Seria I: Prace dedykowane Profesor Swietłanie Musijenko, red. Anna Janicka, Grzegorz Kowalski, i Łukasz Zabielski, 55–62. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku.
- Nosilia, Viviana. 2017. "Oświata ruska na ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVII wieku." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 141–73. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Rusek, Jerzy. 1993. "Oktoich Sz wajpolta Fiola a rękopiśmienne Oktoichy w księgozbiorach polskich." W *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. Wiesław Witkowski, Jerzy Rusek, Aleksander Naumow, 37–44. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Temčinas, Sergejus. 2017. "Języki kultury ruskiej w Pierwszej Rzeczypospolitej." W *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. XI. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia*, red. Marzanna Kuczyńska, 81–120. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Witkowski, Wiesław. 1992. "O polszczyźnie bazylikańskiego słownika supraskiego z 1722 r." W *Słowiańskie pogranicza językowe. Zbiór studiów*, red. Kwiryna Handke, 209–13. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.